

об иной жизни, о «чудесных городах, населенных невидимыми добрыми людьми».

Рассказывая о тяжелой для своего героя поре, автор видит не только драматизм, но и трагикомизм некоторых ситуаций, различая за «единичными проявлениями борьбы за жизнь ее высокий прогресс, ее могучий рост»¹. К умению смотреть на жизнь с юмором, которым так тонко он умел пользоваться сам, Горький призывает и начинающих писателей: «Не помешает, но очень помогает делу, — писал он по поводу автобиографического произведения одной начинающей писательницы, — если Вы посмотрите на себя в прошлом иронически, с юмором, с легкой насмешкой, а не только как на великомученицу. Смотреть на людей иронически Вы уже научились, не выводите и себя за границы иронии»². Горького не удовлетворяло — вызывать сочувствие к своему герою, он протестовал против произведений, рассчитанных на то, чтобы вызвать жалость «к своему меньшому брату». Он стремился показать как в глубине России, даже в липких окуривших болотах, идет рост самосознания и накопление сил народных.

Горький постоянно меняет палитру своих красок: то он с тонким лиризмом повествует о талантливости и духовной силе человека, то он грустно задумчив, когда размышляет о противоречивости человека, то в его рассказе врывается юмор или гнев³, когда раскрывает темное и отсталое.

Но за всем за этим нельзя не увидеть той «душевной муки» писателя, о которой говорит Блок, называя Горького глубоко национальным, русским писателем. Да, творчество Горького неотрывно от русских просторов, исхоженных им, от Волги, на берегах которой он родился и образ которой неоднократно появляется в его произведениях, как символ народной жизни, напоминая нам стихи Некрасова, живопись Репина, от русского характера, который им был увиден в ином, чем, скажем, у Л. Толстого или Достоевского, ракурсе, на новом историческом этапе.

О близости Горького к своему народу неоднократно писала румынская критика. Ибрэилян, говоря о существовании преемственной связи между Горьким и его предшественниками Л. Толстым и Достоевским, отмечает, что Горький это в то же время «эволюция и поправка». Новое у Горького Ибрэилян видит в еще большей близости к своему народу, из которого он вышел.

Есть у Горького один малоизвестный рассказ *Ерлаш* из цикла *По Руси*, в котором нет ни того, что называют интригой, определенного сюжета, нет здесь даже чем-либо примечательных людей, как это мы видим в других рассказах цикла — *Покойник*, *Ледоход*, *Женищина* и др., — а просто говорится об одном летнем дне, заставшем «проходящего» в одной из затерявшихся на просторах России русской деревушке. И все же здесь, в этой миниатюре, — весь Горький — с его вниманием к самому что на не есть «рядовому человеку, пусть и ничем не примечательному, с его способностью найти для каждого из этих людей свое слово, найти для наброска красоты русского пейзажа — необычайные, сочные краски, удивляющие своим разнообразием эпитеты, метафоры и сравнения. Здесь же почти осязаемо ощутима близость

¹ Там же, т. 29, стр. 60.

² Там же, т. 30, стр. 227.